

Передо мной стояла женщина без косметики в старомодной одежде, с невероятной сумочкой типа а-ля-саквояж. На голове повязан ситцевый платок. Глухо застегнутая блузка с матерчатыми пуговицами, которые даже свисали под своим весом. Длинная до щиколоток черная юбка в мелкий белый горошек. На шейке платочек в цветочек.

— Не узнал, думал, какая-нибудь убогая пришла денег попросить для кошек.

— Пойдет?

— Куда пойдет?

— Неужели история Коммунистической Партии?

— Вылитая Надежда Константиновна Крупская! Но личико слишком милое, как у гимназистки! И без очков.

— Ошибаетесь.

Бабушкины очки так преобразили девушку, хотелось еще головной убор!

— Нет, лучше снимите очки, Вы — Инесса Арманд! Шляпка с вуалью есть? — Через полчаса вышла такая дама, что мое сердце забилося как птица в клетке от непонятого волнения. Не ожидал, насколько может быть катастрофически сексуальна женщина в одежде того времени, наверное, генетическая память или прошлые жизни... Наклон головы, таинственные глаза за вуалью, сумочка в руках на талии, чувства требовали немедленного выхода...

— А-а-а-а... К Крупской не приставал, а как Арманд, так уже рейтузы ищет... мамочки... лучше про Каутского расскажи... ну стыдно же, соседи смотрят... ладно, неси меня в баню.

Под юбкой никаких препятствий не было, руки расстегивали на блузке эти мелкие противные круглые матерчатые пуговики, и первый же появившийся сосок был неистово отцелован.

Началось медленное раздевание под длинные — предлинные поцелуи... Длинная юбка из-за каких-то крючков плохо снималась, поэтому девушка на руках была положена на большой деревянный стол в прохладной раздевалке, юбка просто по-русски задрана и мужские руки сложили ножки, и жадный и горячий язык погрузился в нектар этого прекрасного цветка.

Выбритая кожа слегка кололась, но было великолепное ощущение высасывания и покусывания нежных губок. Язык складывался трубочкой и необычно входил в возбужденную дырочку, ее бедра мелко дрожжали и слегка подмахивал такому «членчику». Дыхание участилось, руки впились в мышцы рук.

— Я больше не могу...

Член с брызгами ее соков входит в разгоряченное тело влагалища, одновременно вытянутые для поцелуя губы, наконец, ловят мой язык и оба языка извиваются в тонкой страсти французского поцелуя.

Ее ноги медленно обнимают мою талию и я, уже стоя, и откинувшись, на весу, ебу (энергетически сильное слово) ее пизду (просто суперсильное слово) в бешеном темпе под непрекращающееся о-о-о-о и а-а-а-а.

Наступает апофеоз возбуждения, пошла мощная волна спермы к разгоряченной уже размочаленной и разбухшей в ее соках красной от прилившей крови залупе. Нимфетка держит член двумя руками и открывает широко рот, ждет теплый поток и кончает, почувствовав его, судорожно сглатывает и потом просто присасывается к нему, язык

медленно ползает под крайней плотью... * * * * *

— Сударыня, что это? Ногти? Длинные крашенные ногти! Вас местная большевичка просто выгонит с экзамена с криками: «Я таких буржоек лично расстреливала!».

— А я чем сейчас занимаюсь? Ногти соскабливаю.

— На голове должна быть коса. Тебе мама сплетет, вспомнит свою молодость...

— А серьги? Кольца? С ума сошла! Сними немедленно! Утром все забудешь!

— Обувь на низком каблуке с цветочками откуда?

— Мамочкины от бабушки.

* * * * *

— Попался мне вопрос про II Съезд Советов. Сижу и вспоминаю кинофильм «Человек с ружьем» где Ленин выступал. Шпору вынула, переписала на листок. Помахала знакомому преподу, с трудом, но узнал, улыбнулся, и вроде пошел ко мне.

— Заходит наш Ректор с Представителем КПСС: «Если желающие ответить без подготовки?» Все от страха согнули спины и просто слились со столами, а у меня — коса, которая вот-вот расползется, рухнет, сижу, как дура, ровно, боюсь, чтобы не развалилась.

Вдруг заходит, точнее вводят на экзамен дедка с орденами и медалями. Уставился на меня и спрашивает:

— От чего погиб Чапаев?

— От вражеской пули!

— А когда он умер?

Сижу, смотрю на Ректора, а он ни хрена про Чапаева тоже не знает.

Думаю, что за дедо — экзамен какой-то? Ну почему я невезучая такая, как стала реветь прямо за столом.

— Вижу, Ректор показывает рукой, что, мол, нормально, развивай тему!

— И сколько же их полегло... Жалко Василия Ивановича!

— Потом распустила свою революционную косу и как заверещу со слезами на глазах:

— Но Чапаев будет жить вечно в наших сердцах!

— Слава павшим героям Великой Октябрьской Социалистической Революции!

— Дед прослезился, забыл про свой вопрос, его — под руки, а мне — «отлично»!